

]

Тао Гуан всё еще натянуто улыбался, хотя мыслями был уже далеко.

В чем причина?

Слишком мало?

Шань Фан была поражена не меньше.

Триста тысяч!

Целых триста тысяч юаней!

Для нее, простой деревенской бабы, это были немыслимые деньги!

Она торопливо подскочила:

— Сокровище, триста тысяч — это же куча денег!

Шань Циншань пристально посмотрел на нее:

— А ты разве не хочешь больше?

Шань Фан прикусила язык.

Хочет.

Она мигом сменила тон:

— Господин Тао, пойдемте я отведу вас к врачу, Сокровище отсюда никуда не денется.

Тао Гуан глядел в спину Шань Циншаню, скрипя зубами от бешенства:

— Да плевать он хотел на сумму, он просто отказывается!

Заставил их вкалывать до седьмого пота, а потом хладнокровно выставил за дверь!

Их просто обвели вокруг пальца!

Конечно, Тао Гуан не мог не признать, что предложенная им сумма с учетом текущей рыночной ценности и потенциала Шань Циншаня действительно была занижена.

Он назвал такую цифру только для того, чтобы оставить пространство для торга.

Но Шань Циншань попросту посмеялся над ним!

И это взбесило агента до глубины души.

— Да как так-то? — недоумевала Шань Фан. — Бывают же люди, которые отказываются от денег, плывущих прямо в руки!

Тао Гуан попытался подняться, преодолевая боль.

Спину прострелило так, что он снова рухнул.

Шань Циншань!

Он непременно заполучит его! Любой ценой!

— Предупреждаю: если он упрется, ты не получишь ни гроша, — прошипел Тао Гуан.

Шань Фан поняла, что агент насквозь видит ее алчность, и побледнела:

— Господин Тао, скажите... чем я могу помочь?

В глазах Тао Гуана мелькнул ядовитый огонек:

— Уничтожить его.

Даже бесценное сокровище резко теряет в цене, стоит появиться хотя бы одному изъяну.

...

Вечером Шань Циншань так и не дождался звонка от Чжоу Чуна.

Пришло лишь короткое сообщение:

«Сокровище Циншань, у меня появились срочные дела, освобожусь очень поздно, так что звонить не стану. Ложись пораньше, не забывай скучать по мне. Спокойной ночи».

Прочитав, Шань Циншань выключил телефон.

На следующее утро, едва поднявшись с постели, Шань Циншань с удивлением обнаружил бабушку, сидевшую на пороге. У ее ног лежал тугой рулон свернутой бумаги.

Что-то было не так.

Шань Циншань подошел и опустился перед ней на корточки:

— Бабушка, почему ты встала так рано?

Приблизившись, он ощутил исходивший от нее утренний морозный холод.

Бабушка выходила на улицу.

Бабушка слегка приподняла веки, посмотрела на Шань Циншаня и спросила:

— Когда вернется Сяо Чун?

— Не знаю.

Бабушка перевела взгляд на оборудование для трансляций:

— А эта штука когда включится?

— Еще нескоро.

На этот раз бабушка замолчала надолго.

В комнате повисла тишина, в которой было слышно падение пылинки.

Шань Циншань обхватил ладони бабушки своими руками, бережно растирая их, чтобы согреть.

Эти руки были сухими и корявыми, точно высохшие ветви, покрытыми шрамами, мозолями, морщинами и старческой пигментацией. Даже ногти, вобравшие в себя груз прожитых лет, стали толстыми и твердыми; на одном из них виднелась глубокая трещина, в которой въелась несмываемая черная пыль.

И именно эти руки вырастили Шань Циншаня.

— Сокровище, тебе нравится Сяо Чун?

Шань Циншань замер, и его взгляд тотчас метнулся к бумажному свертку.

Он развернул его.

Дацзыбао. Листовки.

На белой бумаге масляной краской были грубо выведены броские строки:

«Шань Циншань — педик.»

«Торгует телом, охмуря богатенького барчука.»

«Спят под одним одеялом!»

«Бесстыдник!»

«Это заразно!»

«Гнать в шею!»

Бумага мгновенно смялась в кулаке Шань Циншаня.

В ушах протяжно и пронзительно зазвенело.

Лицо его исказилось страшной тенью, а взгляд стал леденящим и острым, словно обнаженный меч.

Бабушка поспешно заговорила:

— Сокровище, не бойся, я всё сорвала! Ни одной не пропустила! Если ты и правда... бабушка ведь не против...

Ее голос становился всё более сиплым:

— Бабушка хочет только одного: чтобы рядом с тобой был тот, кто о тебе позаботится.

Шань Циншань оглядел сорванные листы:

— Краска высохла, писали еще вчера. Но клейстер совсем свежий, тот, кто расклеивал, еще не ушел далеко. Я пойду проверю, а ты возвращайся в комнату.

Шань Циншань двинулся к двери.

Бабушка обеими руками вцепилась в его рукав:

— Сокровище, бабушка уже смотрела, там никого нет.

— Не важно. Я и так знаю, чьих это рук дело.

При одной мысли о том, как бабушка в морозную предрассветную тьму ходила от дома к дому, сдирая эти пасквили, его захлестывала жажда убийства.

— Сокровище... — Бабушка не отпускала его, снедаемая тревогой.

Ее Сокровище вырос в этой глухой деревне и с малых лет хлебнул горя. Разве что лицом вышел да учился прилежно. Но хоть и старался, из-за неудачного распределения так и не поступил и лишился шанса на университет. Денег в доме не было, даже повторно попытаться поступить не на что.

Чем он заслужил такую ненависть?

За что кому-то понадобилось так бессердечно травить ее мальчика, которому и без того досталась горькая доля?

— На дворе темень непроглядная, не ходи туда, это опасно.

Шань Циншань постоял несколько секунд, а затем осторожно повел бабушку обратно в комнату:

— Хорошо. Сейчас не пойду.

Бабушка вздохнула с облегчением:

— Вот и славно...

Тяжкий камень упал с ее души.

Напряжение, державшее ее из последних сил, разом спало; ссутулившись, она заковыляла в комнату.

Лампа под потолком разливала мягкий янтарный свет.

Шань Циншань тихо произнес:

— Бабушка, Чжоу Чун для меня отличается от остальных, но в то же время ничем не отличается.

— Отличается тем, что он очень добр ко мне и совершенно особенный. А не отличается тем, что он, как и все, рано или поздно уйдет. Это место — не его мир.

— Бабушка, я не стану влюбляться в такого человека и не стану заводить настоящую дружбу с тем, кто обречен уйти. Пока он здесь, я буду относиться к нему по-доброму. Когда он уедет, я просто забуду о нем.

У бабушки задрожали губы, сердце сжалось от невыносимой тоски.

С самого рождения мальчика — мать, отец, тетка, школьные одноклассники, учителя и даже

подобранный на улице котенок — все лишь ненадолго задерживались рядом с ним.

Когда он был совсем крохой, он спросил ее:

«Бабушка, я что, никому не нравлюсь?»

Бабушка тогда твердо ответила, что это не так.

Но горькая правда заключалась в том, что рядом с Шань Циншанем, кроме нее, никого не осталось.

Ее Сокровище всегда был один.

После того как подобранный котенок насмерть замерз зимой, бабушка заметила, что внук отгородился от всего мира глухой стеной.

Она очень переживала.

Услышав, что у соседей кошка окотилась, она принесла домой котенка, думая, что внук обрадуется. Но уже на следующий день Шань Циншань отнес его обратно.

Он сказал: «Рано или поздно он уйдет. Итог один и тот же. Нет смысла заводить его и незачем привязываться».

Тогда ему было всего восемь лет.

Он наотрез отказывался строить с кем-либо связи и ни от кого ничего не ждал, лишь бы снова не ранить свое сердце.

<http://bllate.org/book/19795/1950926>